

Н. В. Кальченко

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА УЧАСТНИКОВ ВНУТРЕННИХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

В данной статье рассматриваются вопросы, касающиеся целесообразности распространения международно-правовых норм на область внутренних вооруженных конфликтов и возможности изменения в связи с этим обстоятельством правового статуса их участников.

Ключевые слова: внутренний вооруженный конфликт, права человека, комбатант, военнопленный.

N. V. Kalchenko

PECULIARITIES OF LEGAL STATUS OF INTERNAL ARMED CONFLICTS' PARTICIPANTS

In the article the author focuses on the issues related to practicability of spreading international legal standards to the sphere of internal armed conflicts and, as a result, possibility of changing the legal status of their participants.

Keywords: internal armed conflict, human rights, combatant, war prisoner.

Анализ внутривнутриполитической обстановки многих государств мира показывает, что одним из важнейших источников политической нестабильности, угрозы национальной безопасности, массовых и грубых нарушений прав и свобод человека являются вооруженные конфликты, разворачивающиеся на их территории. В историю современной России, к сожалению, также вписана скорбная страница, посвященная конфликтам такого рода. В СМИ они часто именуются «войной», хотя с юридической точки зрения конфликт, разворачивающийся на территории государства и не имеющий международного характера, таковым не является.

В разрешении внутренних конфликтов принимают участие сотрудники МВД РФ, а в некоторых предусмотренных законодательством обстоятельствах — подразделения Вооруженных сил РФ. В частности, в различные периоды чеченского конфликта группировка внутренних войск и органов внутренних

дел включала до 25 тыс. чел., и входящие в нее лица, не только участвовали в полномасштабных боевых действиях, но и проводили спецоперации по изъятию оружия у населения, охраняли коммуникации, сопровождали колонны и грузы, охраняли жизнеобеспечивающие учреждения.

В условиях внутреннего вооруженного конфликта важно определить правовой статус его участников. В современной юридической науке существует позиция, сторонники которой полагают, что на территорию масштабных внутренних вооруженных конфликтов, носящих, как правило, длительный характер и отличающихся высокой степенью опасности для стабильности общественных отношений, должен распространяться режим немеждународных вооруженных конфликтов в соответствии с нормами дополнительного Протокола 2 к Женевским конвенциям [1, с. 314]. Таким образом, разрешаться подобные конфликты должны на основе международно-правовых

норм, придающих обеим сторонам особый международно-правовой статус, предполагающий признание за ними определенного круга прав и обязанностей. Этот статус конфликта — более «емкий» по сравнению с любым из особых правовых режимов, предусмотренных национальным законодательством.

Надо отметить, что в области международного права давно предпринимаются попытки вторжения в область внутренних вооруженных конфликтов; как правило, они объясняются стремлением международного сообщества обеспечить защиту прав человека (при этом речь идет о правах как непосредственных участников конфликта, так и гражданского населения). Однако в течение многих десятилетий эти усилия наталкивались на сильное противодействие со стороны большинства государств, убежденных, что внутренние конфликты должны урегулироваться без вмешательства извне, на основе уважения их суверенитета и принципа невмешательства во внутренние дела. Но в настоящее время идея правового регулирования вооруженных конфликтов немеждународного характера посредством международно-правовых норм находит все больше сторонников, осознающих, что преследуемая при этом цель — защита прав лиц, ставших вольно или невольно «жертвами» войны, является морально оправданной. К тому же вопрос защиты прав человека не может быть вопросом исключительно внутреннего значения. С исторической точки зрения вполне логично, что всего через год после провозглашения Организацией Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека 1948 г. в международном праве стала формироваться новая подотрасль — право вооруженных конфликтов. В результате кодификации появились договоры, закрепляющие нормы права вооруженных конфликтов; в настоящее время они воплощены в четырех Женевских конвенциях 1949 г. и двух дополнительных Протоколах к ним. Основная

идея этих актов — гуманизация военных конфликтов посредством ограничения применяемых при этом средств и методов ведения военных действий и установления основ статуса его участников.

Закономерен вопрос о том, любой ли конфликт немеждународного характера, разворачивающийся на территории государства, должен, по мнению авторов конвенций, подпадать под действие международных норм? В дополнительном Протоколе 2 к Женевским конвенциям 1949 г. [2], касающемся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, подчеркивается, что речь идет о конфликтах масштабного характера, имеющих форму открытого противостояния. В самом Протоколе подобный конфликт определяется как *вооруженный конфликт, происходящий на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия*. Следовательно, «Протокол 2 не предназначен для применения в том случае, когда “противной стороной” является подпольное партизанское движение, террористическая группа, которая лишь время от времени применяет тактику “булавочных уколов”» [3, с. 184]. Заметим, что указанные деяния, не попадая в сферу действия Протокола, тем не менее являются противоправными с точки зрения внутреннего законодательства государств. В качестве же одного из необходимых признаков вооруженного конфликта юристы выделяют «определенный уровень организованности вооруженных повстанцев, что предполагает, как правило, деление их подразделений на структурные боевые единицы» [4, с. 85].

Можно ли боевые действия, осуществлявшиеся на территории Чеченской Республики, рассматривать в качестве внутреннего вооруженного конфликта? По-видимому, да, поскольку Конституционный Суд РФ высказался за необходимость применения воюющими в Чечне сторонами дополнительного Протокола 2, касающегося вооруженных конфликтов немеждународного характера [5]. Однако Протокол не является актом, в котором права и обязанности участников являлись бы непосредственным предметом регулирования. Его положения закрепляют обязанность гуманного обращения с лицами, добровольно сложившими оружие либо прекратившими участие в вооруженном конфликте вследствие болезни, ранения или задержания, но не касаются вопросов статуса действующих участников конфликта.

Между тем, если признать внутренний вооруженный конфликт объектом регулирования международного права в полном объеме, то следует уточнить, может ли статус лиц, представляющих сторону, противостоящую государству, расширяться до статуса комбатантов со всеми вытекающими из этого статуса правовыми последствиями и, в частности, могут ли они признаваться военнопленными, попадая «в руки» государства? Конвенции предусматривают возможность наделения статусом военнопленных только лиц, участвующих в конфликте международного характера. С другой стороны, если признать, что повстанцы, боевики и иные участники незаконных вооруженных формирований, соблюдающие нормы права вооруженных конфликтов, автоматически становятся субъектами международного права, то логично предположить, что государство в борьбе с ними должно не только соблюдать ограничения в области средств и методов ведения войны, но и признавать их комбатантами. При этом следует иметь в виду, что комбатант, попадающий в руки противника, должен получать статус военнопленного, а этот

статус исключает возможность привлечения к ответственности за участие в военных действиях до попадания в плен (если только данным лицом не были совершены международные преступления, предусмотренные Женевскими конвенциями). Получается, что лицо из субъекта, совершавшего уголовно наказуемые деяния, к числу которых относятся как само участие в деятельности незаконных вооруженных формирований, так и действия, направленные на уничтожение лиц, защищающих интересы государства, превращается в субъекта, законно участвовавшего в конфликте и убивавшего представителей противной стороны.

В то же время в ст. 3 Женевской конвенции об обращении с военнопленными (действие статьи распространяется на лиц, участвующих в вооруженном конфликте немеждународного характера) подчеркивается, что осуществление ее положений (предусматривающих гуманное отношение к задержанным повстанцам) *не затрагивает юридического статуса находящихся в конфликте сторон*, что можно истолковать как признание за государством права на уголовное преследование задержанных повстанцев. Однако в процессе содержания этих лиц следует соблюдать требования, установленные ст. 3, т. е. обеспечить право на гуманное обращение без дискриминации по признакам расы, цвета кожи, религии, пола и иных признаков, а также прямой запрет убийств, пыток, истязаний, жестокого и унижающего обращения, оскорблений и других действий. Этот запрет действует независимо от того, прекратили задержанные участие в конфликте по своей воле или в силу иных объективных, не зависящих от их воли, обстоятельств. Подобный подход отражен и в Декларации о минимальных гуманитарных стандартах, принятой в 1990 г. В этом международном акте подчеркивается, что принцип гуманизма в обращении с задержанными лицами должен быть применим во всех ситуациях, включая обстановку насилия внутри страны, беспорядки и напряженность. Утверждается запрет отступления от

него при каких бы то ни было обстоятельствах.

Необходимо также иметь в виду, что при признании участников незаконных вооруженных формирований субъектами международного права возрастает вероятность использования ими международных защитных механизмов, если они полагают, что их права комбатантов в ходе конфликта были грубо нарушены государством (в частности, возможность обратиться в Международный уголовный суд, под юрисдикцию которого подпадает ряд преступлений, совершенных во время конфликтов как международного, так и внутреннего характера).

Между тем некоторые авторы полагают, что применение ст. 3 не влечет признания за повстанческой стороной международной правосубъектности, но при этом она не освобождается от обязанности соблюдения норм права вооруженных конфликтов [6, с. 102]. Соответственно, совершенные повстанцами деяния, представляющие собой грубое нарушение указанных норм, должны быть наказуемы. Подобный подход вполне оправдан и логичен. В то же время следует признать, что представители антиправительственных сил, не считающие себя субъектами, связанными международно-правовыми обязательствами, вряд ли будут соблюдать нормы, предписывающие гуманное обращение с беспомощным противником либо с гражданскими лицами, а также нормы, запрещающие применение отдельных методов и средств ведения боевых действий.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что признание международной правосубъектности за повстанческими силами вряд ли обоснованно. Однако это обстоятельство не снимает с государства, участвующего в Женевских конвенциях и протоколах к ним, обязанности гуманного отношения к задержанным либо добровольно сложившим оружие повстанцам. Что же касается содержания уже упоминавшейся ст. 3 Женевской конвенции об обращении с военнопленными, констатирующей,

что гуманное отношение к повстанцам не влечет за собой изменения их юридического статуса, то ее следует толковать широко, в отношении как международного, так и внутригосударственного правовых статусов. Такой подход позволяет ставить и рассматривать вопрос об уголовной ответственности повстанцев за их действия, направленные против государства. Если в ходе конфликта одной или обеими сторонами умышленно, грубо нарушались права человека, то это может стать основанием для уголовного преследования со стороны Международного уголовного суда, юрисдикция которого фактически признана Россией.

Заметим, что несколько лет назад на одной из конференций по проблемам гуманитарного права прозвучала информация о том, что ООН при содействии Международного Комитета Красного Креста занимается разработкой проекта третьего дополнительного Протокола к Женевским конвенциям, который будет целиком посвящен вопросам прав и обязанностей лиц, являющихся участниками внутренних вооруженных конфликтов.

Вместе с тем вопросы обеспечения и ограничения прав человека в период внутренних вооруженных конфликтов вряд ли могут быть решены исключительно на основе международно-правовых норм. Оптимальным подходом должна стать совместная оценка действий и статуса участников конфликтов со стороны как международно-правовых, так и национальных норм при отсутствии коллизий между ними.

Список библиографических ссылок

1. Лабунец Б. Г. Деятельность органов внутренних дел по пресечению терроризма в условиях немеждународных вооруженных конфликтов // РЕМП. Спецвыпуск. СПб., 2003.
2. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и дополнительные протоколы к ним. М., 1997.
3. Кальсховен Ф. Ограничения методов и средств ведения войны. М., 1994.
4. Алешин В. В. Правовое регулирование вооруженного конфликта немеждународного характера // Международное гуманитарное право и обеспечение прав человека в деятельности сотрудников правоохранительных органов. М.; Смоленск, 2001.
5. Рос. газ. 1995. 11 авг.
6. Алешин В. В. Особенности вооруженного конфликта немеждународного характера (теоретико-правовой анализ) // Гос-во и право. 2006. № 2.